

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE

5 (1)

Mokslinių straipsnių rinkinys

Kaunas 2009

ŽMOGUS KALBOS ERDVĖJE Nr. 5 (1)

MOKSLINIŲ STRAIPSNIŲ TĘSTINIS LEIDINIS

Leidžia Vilniaus universiteto
Kauno humanitarinio fakulteto
Užsienio kalbų katedra

THE PROCEEDING EDITION OF SCIENTIFIC ARTICLES

Published by Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanites
Department of Foreign Language

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Издает кафедра иностранных языков
Каунасского гуманитарного факультета
Вильнюсского университета

Redakcijos adresas /Adress of the editorial:

Žurnalas „Žmogus kalbos erdvėje“

VU KHF

Muitinės g. 8

Kaunas LT-44280

Tel.: 8-37-42 24 77

El. paštas: valentina.naumova@vukhf.lt

Redagavo / Edited by:

Danutė Balšaitytė (rusų kalba / the Russian language / русский язык)

Anastasija Belovodskaja (rusų kalba / the Russian language / русский язык)

Algis Braun (anglų kalba / the English language / английский язык)

Daiva Deltuvienė (vokiečių kalba / the German language / немецкий язык)

Ala Diomidova (rusų kalba / the Russian language / русский язык)

Vilma Linkevičiūtė (anglų kalba / the English language / английский язык)

Oleg Perov (rusų kalba/ the Russian language / русский язык)

ISBN 978-9955-33-373-9

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2009

Ольга Горицкая

Белорусский государственный университет

ул. К. Маркса 31- 52, Минск, Беларусь

e-mail: goritskaya@gmail.com

ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИЗБЫТОЧНЫХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РОЛИ ПОДЛЕЖАЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Данная статья посвящена двойному маркированию лица в русских высказываниях с личным местоимением 1-го или 2-го л. в роли подлежащего и глагольным сказуемым в форме настоящего или будущего времени 1-го или 2-го л. Проанализированы факторы, определяющие наличие или отсутствие местоимения-подлежащего в таких высказываниях. Показано, что местоимения являются средством установления дискурсивных связей в тексте. Нулевое местоимение указывает на единство субъектного плана во фрагменте дискурса. Материально выраженное местоимение сигнализирует о смене субъектных планов, их противопоставлении или сопоставлении. Описываются прагматические функции личных местоимений в роли подлежащего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личные местоимения, субъект, говорящий, слушающий, подлежащее, дискурсивные факторы, избыточность.

1. Введение. В исследованиях по русской грамматике, например, в (Пешковский 1956), отмечается, что в русском языке нормой является двойное маркирование лица в предложениях со сказуемым в форме наст. и буд. вр. Например: (1) *Можно подумать, я навязываю свои услуги!* (А. Волос. Недвижимость). На первый взгляд, местоимение в таких случаях представляется избыточным и лишь дублирует грамматическую информацию, содержащуюся в окончании глагола. Поэтому А. А. Шахматов называл такие подлежащие «служебными» (Шахматов 2001, с. 163). Однако почему местоимение не опускается в результате действия тенденции к экономии речевых средств?

Мы исходим из предположения, что выбор нулевого или материально выраженного местоименного подлежащего в большинстве случаев является неслучайным и регулируется правилами различной природы: дискурсивными, синтаксическими, интонационными и – косвенно – внеязыковыми (социальными). Мы не ставим своей целью построение алгоритма, объясняющего порождение всех высказываний с нулевым или ненулевым местоимением-подлежащим. Более того, мы предполагаем, что построение такого алгоритма вряд ли возможно ввиду значительной вариативности этого фрагмента языковой системы: «Коммуникативная факультативность подлежащего создает определенную тенденцию рассматриваемых предложений к односоставности, контаминацию очевидной определенноличности действующего лица и отсутствия его обычного лексического выражения. <...> возможность замещения позиции подлежащего неодинакова в отдельных случаях и, следовательно, тенденция к односоставности проявляется по-разному» (Химик 1990, с. 90). Так, в одних высказываниях (1), (2) местоимение-подлежащее является обязательным компонентом синтаксической структуры, в других – нормой является его отсутствие (3), а в третьих – возможны оба варианта, причем в некоторых случаях один из них может являться более предпочтительным (4), а в некоторых случаях выбор кажется свободным (5). Приведем примеры из пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад»:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского фонда фундаментальных исследований по итогам конкурса «Наука-2008М».

(2) *Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно. – *<...>, а Ø трачу как-то бессмысленно.*

(3) *Лопухин. Я или зарыдаю, или Ø закричу, или в обморок Ø упаду. Ø Не могу! Вы меня замучили! (ВС) – *Я или зарыдаю, или я закричу, или я в обморок упаду. Я не могу!*

(4) *Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности... – ??? Ø Сплю...*

(5) *А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет? – А Ø знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет?*

Задачей данной работы является исследование «скрытой семантики» (Николаева 2004) и прагматических функций нулевых и материально выраженных местоимений-подлежащих. **Объектом анализа** является употребление местоименных подлежащих 1-го и 2-го л., обозначающих говорящего и слушающего, в высказываниях со сказуемым в форме наст. или буд. вр. Мы не анализировали обобщенно-личные предложения и предложения с глаголами в форме императива, поскольку в этих высказываниях нормой является отсутствие подлежащего и использование личных местоимений в них регулируется другими правилами.

Исследование было проведено следующим образом. В качестве текста для первичного анализа была взята пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад» (далее – ВС), из нее были выписаны все конструкции, в которых наличие или отсутствие местоимения-подлежащего в форме 1-го или 2-го л. ед. ч. при сказуемом в форме наст. или буд. вр. представляется обязательным. Далее собранный материал был проверен на двух подкорпусах со снятой омонимией Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) – подкорпусе живой русской речи и подкорпусе художественной литературы XX–XXI вв. В статье будут приводиться примеры из второго подкорпуса. В качестве дополнительного материала привлекались примеры из картотеки, собранной автором работы.

2. Русский язык на фоне других языков. В генеративной грамматике для описания типов языков был введен параметр *pro-drop*, указывающий на допустимость нулевого местоимения-подлежащего. На основании этого параметра языки делятся на две группы: *pro-drop* (например, русский или латынь) и *non-pro-drop* (например, английский). Основным условием, «легализующим» пропуск местоимения, является развитая система спряжения глагола. На славянском языковом материале параметр *pro-drop* рассматривается в книге С. Франкса (Franks 1995). Языки *pro-drop* бывают разных типов: в одних, как, например, в латыни, польском или болгарском, нормой является отсутствие избыточного местоимения, в других, как, например, в русском, местоимения могут присутствовать в структуре высказывания или опускаться.

Возникает закономерный вопрос: почему в русском языке, несмотря на развитую глагольную морфологию, местоименные подлежащие употребляются? «Явление это, по всей вероятности, стоит в связи с отсутствием глагола в таких сочетаниях, как *я дома, я добр <...>*, а также с отсутствием формы лица в нашем прошедшем времени (*я читал – ты читал – он читал*). Во всех этих сочетаниях личные слова необходимы, потому что иначе нельзя узнать лица. А из них они могли перебраться и в такие сочетания, где они не нужны» (Пешковский 1956, с. 187), см. также (Виноградов 2001, с. 374).

Надо отметить, что употребление избыточных местоимений в роли подлежащего – это довольно позднее явление в русском языке (Бабайцева 1968; Ефимова 2004; Kibrik 2004). В праславянском и древнерусском нормой было отсутствие местоимения-подлежащего, т.е. такое положение дел, которое сейчас наблюдается в грамматике южно- и западно-славянских языков. Затем в связи с исчезновением в русских формах прошедшего времени связки, в которой содержались показатели лица, местоименное подлежащее стало необходимым компонентом высказываний с такими глаголами.

3. Обзор работ, в которых описывается употребление местоимений в роли подлежащего. Правилам, регламентирующим наличие или отсутствие избыточного в грамматическом отношении местоимения, посвящено небольшое число научных работ. Эту проблему затрагивает В.В. Бабайцева в книге, посвященной односоставным предложениям: «Трудно уловить здесь особые логические или синтаксические соображения, объясняющие наличие местоимений подлежащих или их отсутствие. Главное различие между этими предложениями в их структуре: первые – двусоставные, вторые – односоставные» (Бабайцева 1968, с. 29). Исследовательница отметила случаи, когда употребление местоимения-подлежащего является обязательным: «при противопоставлении действий или деятелей» и «при подчеркивании деятеля»².

Так же фрагментарно закономерностей употребления местоимений-подлежащих касались авторы некоторых классических работ по русской грамматике (Виноградов 2001; Исаченко 1960; Пешковский 1956; Шахматов 2001) и стилистике (Розенталь 1998). Надо сказать, что в этих работах интересующее нас явление представлено в несколько «импрессионистическом» ключе. Так, А. М. Пешковскому принадлежит утверждение о том, что отсутствие личных местоимений придает речи «энергичность, быстроту и взволнованность» (Пешковский 1956, с. 184). Эта особенность изложения сохраняется и в современных работах, например: «Появление я <...> носит прагматический характер: это стремление, по мере возможности, сохранить и показать свое хладнокровие. Если бы я отсутствовало, сообщение бы носило поспешный характер, что-то вроде телеграфного стиля» (Фужерон & Брейар 2001, с. 56). В.В. Виноградов писал, что «сознательное, намеренное устранение местоимений выражает разнообразные экспрессивные оттенки» (Виноградов 2001, с. 375), однако заявленное разнообразие, к сожалению, ограничивается анализом одного примера. Таким образом, идея о том, что отсутствие или наличие местоимения-подлежащего связано с прагматикой, требует развития.

А. М. Пешковский, В. В. Виноградов и Д. Э. Розенталь обращали внимание на наличие связи между закономерностями употребления личных местоимений и стилистическими характеристиками текста. Так, например, В.В. Виноградов отмечал, что «в обычной разговорной речи и в повествовательном стиле простые формы 1-го и 2-го лица настоящего времени (без местоимений), по-видимому, преобладают или, во всяком случае, равноправны с формами, осложненными местоимением» (Виноградов 2001, с. 375), см. также (Исаченко 1960, с. 411). В книге Д.Э. Розенталя сказано: «Не опускается местоимение-подлежащее в деловом стиле, в официальной речи, также при отсутствии связи предложения с предшествующим контекстом» (Розенталь 1998, с. 165). Хотя на страницу ранее написано, что пропуск личного местоимения «иногда подчеркивает категоричность» (Розенталь 1998, с. 164) и приведены примеры из приказов и распоряжений, относящихся к официально-деловому стилю (*Приказываю...; Предлагаю...*).

Мы попытались проверить эти утверждения. В Национальном корпусе русского языка мы выбрали 4 подкорпуса со снятой омонимией: разговорная речь, художественная литература, публицистика, учебно-научные и производственно-технические тексты (официально-деловой стиль плохо представлен текстами со снятой омонимией, и количество глаголов 1-го и 2-го л. в них незначительно: всего 37 единиц, из них 1 имеет в препозиции местоимение, при том что количество личных форм в других подкорпусах не меньше 450). Мы подсчитали общее количество глаголов 1-го и 2-го л. ед. ч. наст. и буд. вр. и число глаголов, имеющих в пре- или постпозиции местоимение-подлежащее. Оказалось, что количество глаголов, употребленных с местоименным подлежащим, является наибольшим в текстах, обслуживающих разговорную речь (67%), и наименьшим

² Необходимо отметить, что в противительных конструкциях и при интонационном выделении местоимения употребляются и в тех языках, где они в норме отсутствуют, к примеру, в польском (Николаева 2004; Nilsson 1982 и др.). Таким образом, это описание закономерностей употребления личных местоимений не учитывает специфику русского языка.

в научных текстах (37%), в художественной литературе и публицистике число этих единиц примерно равно и составляет около 45%. Конечно, такие подсчеты являются грубыми и не учитывают, например, распределение местоимений-подлежащих в сложных предложениях и предложениях с однородными сказуемыми, где местоимения обычно опускаются, если речь идет об одном лице и др. Но, так или иначе, говорить о том, что в разговорном стиле местоимения обычно отсутствуют, вряд ли правомерно, см. также данные Л. Гренобль (Grenoble 2001, p. 8-9).

Особую значимость для нашего исследования представляют работы, в которых предлагаются функциональные объяснения феномена избыточных местоимений. Прежде всего, стоит отметить публикации, посвященные более широкой проблеме – употреблению русских нулевых и материально выраженных подлежащих при дейксисе и анафоре (Grenoble 2001; Nilsson 1982). Выбор референциальных средств при анафоре исследуется в А. А. Кибриком (Кибрик 1997; Kibrik 1996; Kibrik 2004 и др.). Несмотря на то что употребление личных местоимений 1-го и 2-го л. регулируется другими факторами, работы А. А. Кибрика оказались полезными для нашего исследования, поскольку предложенный исследователем способ описания многофакторных процессов представляется многообещающим.

В последнее время стали появляться исследования, посвященные непосредственно интересующей нас грамматической особенности русского языка (Фужерон & Брейяр 2001; Фужерон & Брейяр 2004). Интерес зарубежных русистов к этой проблеме отчасти связан с тем, что при изучении русского языка употребление местоимений-подлежащих (авторы исследуют только местоимение *я*) «причиняет немало неприятностей» иностранцам, «зачастую они ставят его там, где не надо, а там, где надо, его нет» (Фужерон & Брейяр 2004, с. 147). Как и Л. Гренобль, И. Фужерон и Ж. Брейяр описывают употребление местоименных подлежащих как результат действия дискурсивных факторов. Этот подход будет принят и в настоящей статье.

И, наконец, следует отметить исследование Т. М. Николаевой (Николаева 2004), представляющее собой синтез исторического и функционального объяснения закономерностей употребления местоименных подлежащих. На основе анализа существующих этимологий слова *я* Т. М. Николаева приходит к выводу о том, что «высказывание с *я* при глаголе как бы “помнит” первоначальную давнюю функцию *я* быть интродуктивным компонентом, вводящим новое, не присоединяющееся к предыдущему и – благодаря этому – часто ему противопоставленное высказывание» (Николаева 2004, с. 176). Это предположение выглядит интересным, однако верифицировать его сложно. Кроме того, употребление других местоимений, в частности *ты* или *мы*, по всей видимости, регулируется действием тех же факторов, но подтверждаются ли закономерности их функционирования данными этимологии?

4. Дискурсивные факторы, регулирующие употребление местоимений в роли подлежащего. Гипотеза, составляющая основу настоящего исследования, выглядит следующим образом. Наличие в высказывании местоимения-подлежащего в форме 1-го или 2-го л. сигнализирует о введении в дискурс нового субъектного плана, о его активации (6), или о противопоставлении или смене субъектных планов, уже представленных в дискурсе (7). В ряде случаев употребление местоимения-подлежащего указывает на введение новой темы изложения в границах одного субъектного плана (8). Соответственно, отсутствие местоимения указывает на единство субъектного плана (9).

(6) *Лопухин. Время, говорю, идет.*

Гаев. А здесь пачулями пахнет

Аня. Я спать пойду. Спокойной ночи, мама (BC).

(7) *Аня. Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя (BC).*

(8) *Видит бог, я люблю родину, Ø люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, Ø все плакала (BC).*

(9) *Аня. Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? <...> Мама, приезжай...
Любовь Андреевна. Ø Приеду, мое золото* (BC).

Наша гипотеза представляет собой развитие идей Л. Гренобль, И. Фужерон и Ж. Брейяра. Л. Гренобль для описания употребления местоименных подлежащих использовала понятие связности (connectivity): чем теснее связь фрагмента дискурса с предыдущим, тем более вероятны нулевые местоимения (Grenoble 2001, p. 12). По словам И. Фужерон и Ж. Брейяра, употребление местоимения – это «марка разрыва с предыдущим» (Фужерон & Брейяр 2004, с. 155). Надо сказать, что дискурсивные правила, перечисленные выше, не являются такими же жесткими, как, к примеру, грамматические правила. Наличие двух субъектных планов во фрагменте дискурса делает появление местоимения более вероятным, но не обязательным. Модифицирующее воздействие может оказывать интонация, порядок слов, наличие служебных слов и др. К тому же высказывания с глаголом в форме 1-го или 2-го л. индикатива являются очень вариативными, что значительно затрудняет описание закономерностей дистрибуции нулевых и ненулевых подлежащих. В отличие от стилистики, которая лишь фиксирует некоторые закономерности распределения языковых единиц и иногда описывает прагматический эффект от их использования, принятый нами подход стремится объяснить наблюдаемые нами факты.

Вернемся к проблеме функционирования местоимений в разговорной речи. Почему создается впечатление, что в разговорной речи они часто отсутствуют? Дело, по всей видимости, в том, что в неформальных диалогах темы разговора обычно «вертятся» вокруг его участников, и поэтому единство субъектного плана часто сохраняется на протяжении нескольких реплик. Субъектные планы участников коммуникации характеризуются высокой степенью активации в сознании говорящего и слушающего. Поэтому в речевом этикете закрепилось большое количество шаблонных высказываний, которые часто употребляются без местоимения-подлежащего: *Как Ø поживаешь?* и т.п. И именно в неформальной коммуникации наиболее отчетливо видны прагматические функции высказываний с нулевыми или материально выраженными местоимениями-подлежащими. Интересно, что в разговорной речи местоимения, стоящие в начале предложения, могут опускаться и в тех языках, где их употребление является обязательным по причине отсутствия маркеров лица у глагола (например, в английском). Условием функционирования таких высказываний является возможность извлечения информации о референте из контекста или коммуникативной ситуации. Аналогичное явление – русские конструкции с опущенным подлежащим при глаголе в форме пр. вр. типа (10) *Пришел, увидел, победил*. Для обозначения этого явления используется термин *topic-drop* (de Roo 2002), т.е. опущенный топик (тема).

Употребление личных местоимений в роли подлежащего связано с коммуникативными характеристиками высказывания, в частности с его актуальным членением. Как правило, личные местоимения являются темой высказывания. Интонационное выделение личных местоимений связано с такими коммуникативными значениями, как контраст (выделение объекта из числа потенциальных участников события) и – иногда – эмфаза (участие объекта в ситуации, в которой он не должен был участвовать, и выражение говорящим сильных чувств в связи с нарушением нормы жизни в этой ситуации)³ (Янко 2001). У. Чейф писал: «В некоторых языках, где роль данного передается главным образом через глагольное согласование, функция независимых местоимений сводится в основном к передаче фокуса контраста» (Чейф 1982, с. 291). Местоимения сочетаются с частицами и другими служебными словами, служащими для указания на фокус контраста, см. (Янко 2001, с. 50, 53-61), а также (Горицкая 2007):

³ Существуют и другие понимания эмфазы, например: «выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее экспрессивность речи» (Гридин 1990, с. 592). Мы употребляем термины *эмфаза* и *контраст* в значениях, описанных в работе Т.Е. Янко (Янко 2001).

(11) *Нет, Георгий Николаевич, тут спрашиваю только я* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

(12) *Тревога почему-то отступила, и я подумал, что бессмысленно жаловаться на то, будто живешь не своей жизнью: значит, своей, если именно ты ею живешь* (А. Волос. Недвижимость).

3. Синтаксические конструкции с нулевыми или материально выраженными местоимениями-подлежащими. Рассмотрим некоторые структурные типы высказываний с ненулевым и нулевым местоимением-подлежащим. Обязательным является употребление местоимения при наличии эксплицитного противопоставления двух или более субъектных планов, маркированного союзами *а, но* и др., см. (2). С большой вероятностью можно встретить местоимения-подлежащие в высказываниях с обращением и глаголом в форме 1-го л., см. (9), а также в некоторых высказываниях, где есть другие личные местоимения в качестве актантов при глаголе-сказуемом, см. (Фужерон & Брейяр 2001; Фужерон & Брейяр 2004). В этих случаях два субъектных плана эксплицитно представлены в границах одного высказывания.

Присутствие личных местоимений обязательно и в восклицательных конструкциях различных типов: (13) *Что ты/*Ø хочешь этим сказать?*; (14) *Что ты/*Ø выдумываешь!*; (15) *Как же ты/*Ø можешь?*; (16) *Как я/*Ø ее понимаю!* и др. Эти высказывания выражают эмоциональное и/или оценочное отношение говорящего к какому-либо лицу или ситуации, значение многих из них подразумевает эмфазу (в понимании Т.Е. Янко, представленном выше).

Наиболее простым и однозначным примером отсутствия местоимения-подлежащего в высказывании являются предложения с однородными сказуемыми: подлежащее необходимо только при первом сказуемом. В целом единство субъектного плана может сохраняться на протяжении фрагмента дискурса, большего, чем одно высказывание. В таком случае местоимение также обычно отсутствует, см. (3) и (9).

4. Прагматические функции местоимений-подлежащих. В работе И. Фужерон и Ж. Брейяра было отмечено, что к числу условий наличия или отсутствия местоимения-подлежащего относятся не только лингвистические, но и психологические, «определяемые коммуникативными намерениями говорящего, его взаимоотношениями с адресатом и др.» (Фужерон & Брейяр 2001, с. 53).

Примером того, что наличие местоимения-подлежащего может быть «связано с выражением отношений с собеседником» (Фужерон & Брейяр 2004, с. 151), являются высказывания со значением несогласия или аргументации:

(17) *Любовь Андреевна. Шарлотта, покажите фокус!*
Шарлотта. Не надо. Я спать желаю (BC).

Если в реплике-реакции не осуществляется смена субъектных планов и речь идет о том же субъекте, то местоимение-подлежащее может отсутствовать, см. (8). Присутствие подлежащего сигнализирует о наличии в семантике высказывания или дискурсивной единицы бóльшего объема каких-то прагматических смыслов. В примере (16) употребление местоимения связано с аргументацией – указанием на причину отказа.

Внимания заслуживают синтаксические единицы, содержание которых «по умолчанию» ориентировано на говорящего или слушающего, – конструкции с предикатами пропозициональной установки (*утверждаю, полагаю, думаю, отрицаю*) и модальными операторами (вводными конструкциями).

И. Фужерон и Ж. Брейяр отметили, что «отсутствие *я* является правилом в формулировках социального этикета, когда говорящий является лишь исполнителем возложенной на него роли, своего рода рупором» (Фужерон & Брейяр 2004, с. 159). Имеются в виду высказывания типа (18) *Ø Объявляю вас мужем и женой. – Я объявляю вас мужем и женой.* Однако *я* часто отсутствует и в высказываниях с предикатами пропозициональной установки, где субъект говорит от «себя лично»:

(19) *Гаев. <...> Честью моей, чем хочешь, Ø клянусь, имение не будет продано! (Возбужденно.) Счастьем моим Ø клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона! Всем существом моим Ø клянусь!* (BC)

Французские исследователи отметили, что отсутствие подлежащего в таких высказываниях связано с «невозможностью противоречия» (Фужерон & Брейар 2001, с. 53). Соответственно, одна из основных прагматических функций материально-выраженного местоимения-подлежащего – акцентирование своей позиции при несогласии с позицией собеседника или другого лица.

Кроме того, отсутствие местоимения-подлежащего может иметь социальные функции. Оно может быть связано с принятой в определенных социокультурных ситуациях (например, в речи политиков или ученых) манерой не акцентировать внимание на своем «я», т. е. избегать «яканья» или «эготизма» (Успенский 2007, с. 27, 80). Подобный эффект вызывается заменой я на *мы*, личных конструкций – безличными, а также предпочтением высказываний без местоимений-подлежащих.

Отсутствие местоимений является частотным во вводных конструкциях типа *видишь (ли), понимаешь (ли)* и т. п., которые употребляются «с целью сосредоточить внимание собеседника на предмете разговора, придать доверительность сообщению» (Словарь структурных слов 1997, с. 129), т. е. приближаются по своей функции к служебным дискурсивным словам, имеющих лишь косвенное отношение к субъектным планам участников коммуникации. Наличие местоимения, как правило, означает «буквальное», а не «дискурсивное» употребление языковой единицы. Ср.:

(20) *Он говорит: «Ø Понимаешь, я с тобой решил посоветоваться потому что ты опытная. <...>»* (А. Геласимов. Чужая бабушка)

(21) – *Ты понимаешь, о чём я хочу с тобой поговорить? – закончила она свой рассказ.* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).

5. Выводы. Таким образом, утверждение о том, что наличие местоимения-подлежащего при сказуемом является нормой для русского языка, представляется сильным обобщением. В некоторых высказываниях наличие или отсутствие местоименного подлежащего обязательно, в других более или менее вероятно, в третьих – выбор представляется более или менее свободным.

Выбор нулевого или материально выраженного местоимения-подлежащего при глаголе в форме 1-го и 2-го л. наст. и буд. вр. является сложным многофакторным процессом. Функционирование личных местоимений в роли подлежащего регулируется действием дискурсивных факторов и связано с указанием на единство субъектного плана (отсутствие подлежащего) или смену субъектных планов, их противопоставление или сопоставление (наличие подлежащего). Правила дискурсивного порядка могут взаимодействовать с другими языковыми явлениями. Так, например, дискурсивные факторы могут находить подкрепление на синтаксическом уровне, и тогда вероятность наличия или отсутствия местоимения является значительной. Употребление местоимений связано с актуальным членением высказывания и такими коммуникативными значениями, как контраст и эмфаза. Имеют значение порядок слов и просодические характеристики высказывания. В ряде случаев изъятие местоименного подлежащего из высказывания возможно лишь при условии постановки паузы на месте личного местоимения. Однако влияние интонации на употребление местоимений-подлежащих нуждается в дополнительном изучении. Правила, регулирующие употребление личных местоимений, не всегда лежат на поверхности и не являются жесткими, что значительно усложняет изучение данного феномена. Тем более важной и перспективной является работа в этом направлении.

Речевая избыточность всегда функционально нагружена. На примере высказываний с личными местоимениями в роли подлежащего мы видим, что наличие местоимения-подлежащего является избыточным лишь при формальном подходе. В

реальной коммуникативной практике нулевые и материально выраженные местоимения-подлежащие используются для связи фрагментов дискурса, обладают спектром прагматических функций и связаны с социальными явлениями.

Литература

- БАБАЙЦЕВА, В. В., 1968. *Одноставные предложения в современном русском языке*. Москва: Просвещение.
- ГОРИЦКАЯ, О. С., 2007. К вопросу о речевой избыточности высказываний с личным местоимением в роли подлежащего (на материале конструкции *лично я*). *Русский язык и литература*. № 12, с. 59–64.
- ЕФИМОВА, В. С., 2004. Местоимение первого лица в старославянском языке – свидетельства евангельских текстов. *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*, / Отв. ред.. НИКОЛАЕВА, Т. М., Москва: Языки славянской культуры, с. 179–188.
- ВИНОГРАДОВ, В. В., 2001. *Русский язык* (Грамматическое учение о слове). Под ред. ЗОЛОТОВОЙ, Г.А., Москва: Русский язык.
- ГРИДИН, В. Н., 1990. Эмфаза. *Лингвистический энциклопедический словарь*, / Под ред. ЯРЦЕВОЙ, В. Н., Москва: Советская Энциклопедия, с. 592.
- ИСАЧЕНКО, А. В., 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*: в 2-х ч. Ч. вторая. Морфология. Братислава: изд-во Словацкой академии наук.
- КИБРИК, А. А., 1997. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе, *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. № 4, с. 94–105.
- НИКОЛАЕВА, Т. М., 2004. Функции русского «я» в индоевропейской перспективе. *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*. Отв. ред. НИКОЛАЕВА, Т.М., Москва: Языки славянской культуры, с. 167–178.
- ПЕШКОВСКИЙ, А. М., 1956. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Госучпедгиз.
- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., 1998. *Практическая стилистика русского языка*. Москва: АСТ-ЛТД.
- Словарь структурных слов русского языка*. 1997. Под ред. МОРКОВКИНА, В.В. Москва: Лазурь.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А., 2007. *Ego Loquens: язык и коммуникационное пространство*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- ФУЖЕРОН, И.; БРЕЙЯР, Ж., 2001. Когда я нужно. *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 60, № 4, с. 53–57.
- ФУЖЕРОН, И.; БРЕЙЯР, Ж., 2004. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке. *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*. Отв. ред. НИКОЛАЕВА, Т. М., Москва: Языки славянской культуры, с. 147–166.
- ХИМИК, В. В., 1990. *Категория субъективности и ее выражение в русском языке*. Ленинград: изд-во Ленинградского ун-та.
- ЧЕЙФ, У., 1982. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI, Москва: Прогресс, с. 277–316.
- ШАХМАТОВ, А. А., 2001. *Синтаксис русского языка*. Москва: Эдиториал УРСС.
- ЯНКО, Т. Е., 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва: Языки славянской культуры, 384 с.
- FRANKS, S., 1995. *Parameters of Slavic morphosyntax*. New York: Oxford University Press, 409 p.
- GRENOBLE, L. A., 2001. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian [Электронный ресурс]. *The Slavic and East European Language Resource Center*. Issue 1 (Spring). Режим доступа: <http://seelrc.org/glossos>. Дата доступа: 08.05.2008.
- KIBRIK, A. A., 1996. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account. *Studies in anaphora*. ed. by V. Fox. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, p. 255-304.
- KIBRIK, A. A., 2004. Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: a chicken/egg dilemma? [Электронный ресурс] *5th discourse anaphora and anaphor resolution colloquium: proceedings*. Ed. by A. Branco [et al.]. Lisbon: Edicoes Colibri, p. 87–90.
- NILSSON, B., 1982. Personal pronouns in Russian and Polish: a study of their communicative function and placement in sentence. *Transl. from the Swedish by Ch. Rougle*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- ROODE, E., 2002. Pronoun omission in Dutch and German agrammatic speech. *Pronouns – grammar and representation*. ed. by H. J. Simon; H. Wiese. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, p. 253–284.

Olga Goritskaya

Belarusian State University

REGULARITIES IN THE USE OF REDUNDANT PERSONAL PRONOUNS IN SUBJECT POSITION (THE CASE OF RUSSIAN)

Summary

The article is devoted to double person marking in the Russian utterances with 1st or 2nd person pronoun in subject position and verbal predicate in 1st or 2nd person present or future tense forms. The factors that determine the use of zero or non-zero pronouns in these utterances have been analyzed. We have revealed that pronouns establish discourse connections. Zero pronoun indicates that the discourse sample is about one person. Non-zero pronoun signals that there are some subject lines in the discourse sample. Pragmatic functions of personal pronouns in subject position have been outlined.

KEY WORDS: personal pronouns, subject, speaker, hearer, subject, discourse factors, redundancy.